

УДК 930.85

Панин А.С.¹

РУССКАЯ ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА В ЛУБОЧНЫХ КАРТИНКАХ

Тульский историко-архитектурный музей

Panin A.S.

RUSSIAN TRADITIONAL CULTURE IN POPULAR PRINTS

Tula Historical and Architectural Museum

Аннотация: Автор рассматривает некоторые характерные особенности русской народной традиционной культуры XVIII—XIX веков на примере лубочных картинок медицинской тематики. Как исторический источник анализируется издание «Русских народных картинок» Д.А. Ровинского.

Ключевые слова: Русская народная традиционная культура, лубочные картинки.

Abstract: The author examines some characteristics of traditional Russian folk culture of XVIII—XIX centuries by the example of cheap popular images («popular print») on the medical theme. As the historical source is analyzed edition «Russian folk images» Dmitry Rovinsky.

Keywords: Russian folk traditional culture, popular prints.

Лубок или «народные картинки» — вариант «наивного» искусства, особая «народная библиотека» знакомившая простой люд с окружающим миром. Начиная примерно с XVII века эти «народные картинки» производились в большом количестве «двумя способами: или резались обронно на липовых и оловянных досках, для печатания с простого типографского станка, или же гравировались на медных досках взглубь, посредством грабштихеля (резца) и крепкой водки» [1, с. 1.]. Такие «картинки» стали называться лубочными в начале XIX века. Другие названия — «фряжский лист», потешный лист, простовик.

Лубку целиком посвящено уникальное издание «Русские народные картинки» (выпущенные типографией Императорской Академии наук в 1881 году) — девяти томный результат грандиозной работы Д.А. Ровинского (1824—1895), юриста, коллекционера, по-

¹ Панин Алексей Станиславович — канд. ист. наук, зав. отделом Тульского историко-архитектурного музея.

чётного члена Академии наук и Академии художеств. Отдельные тома этого издания сохраняются в фондах Отдела редкой книги Тульской Областной универсальной научной библиотеки (ОРК ТОУНБ). Также в библиотеке находится посмертное издание «Русских народных картинок» Д.А. Ровинского (1900 год).

Безусловно, большой интерес представляют сами «народные картинки» любовно собиравшиеся коллекционером и исследователем на протяжении ряда лет. «Лубок — не просто графический жанр, вокруг себя он создал целую культуру, в комплекс которой вошли и балаган — ярмарочные театрализованные действия (с шутовством и арлекинадой), и балагурство торговцев — разносчиков, и народный театр, и стиль рекламного плаката»[2].

Немаловажно и то, что исследование Д.А. Ровинского, по сути, является историческим источником, представляя материал по самым различным сторонам народной жизни, начиная примерно с конца XVII и по начало XIX веков. «Старые народные картинки представляют... значительный исторический материал. Из них мы узнаём, чему и как учился русский человек недавнего времени и что читал; какое место занимала в его доме женщина, чему он верил и где молился, как веселился и пировал...» [1, с. 46].

Можно признать, что картинки отражали не только быт низших классов императорской России, но и приводили заимствования из дворянского обихода, давали представление о нравах при дворе и содержали прямые цитаты из европейских аналогов (не зря и назывались они изначально «фряжскими» или «немецкими» листами). Однако делались они непрофессиональными мастерами из народа и в независимости от типа, сюжета и направленности картинки отражали именно народную культуру — Дмитрий Ровинский осознавал это со всей отчётливостью, отбирая, прежде всего картинки, не затронутые цензурой и не имеющие отношения к официальной пропаганде, порой использовавшей стилистику лубка. «Кто прочёл со вниманием пять томов текста к народным картинкам, тот может сказать, что пред его глазами прошла не официальная, не внешняя, но внутренняя русская жизнь более чем за два века, со всем тем, что составляло её сущность» [3].

Среди всего того что «составляло сущность» народной жизни, отображённой в картинках, мы можем остановиться на одной стороне, и уже этого позволит выявить некоторые характерные особенности русской народной традиционной культуры XVIII—XIX веков. Так, народные методы лечения представляют интерес, хотя бы уже в силу того что начиная с петровских реформ в России начинает активно развиваться медицина и фармакопея европейского образца. Внедряются новые лекарства, новое понимание причин болезни, новые методы лечения. Поскольку приведённые Дмитрием Ровинским «народные

картинки» как раз затрагивают время от императора Петра Алексеевича (Пётр I Алексеевич, 1672—1725) до императора Александра Павловича (Александр I Павлович, 1777—1825), логично было бы предположить, что в этих картинках мы и обнаружим отображение всех постигших лекарское дело изменений в их связи с «внутренней русской жизнью». Однако по немногим лубкам медицинского свойства, имеющимся в издании Ровинского, нельзя не заметить, что в народной среде медицина остаётся крайне консервативной и даже во времена самого издателя содержит все особенности дедовских методов врачевания.

В начале XVIII века в Москве открываются первые восемь «вольных» аптек европейского образца, к концу этого же столетия в России действует уже порядка ста аптек, осуществляется государственный контроль над медициной и фармакопеей. Фармация и аптечное дело в России переходят на новый этап. Теперь аптекари не имели права лечить больных, самостоятельно выписывать им лекарства. Тем не менее, и в XIX веке «в деревнях народ лечится у знахарей и знахарок, которые зачастую знают целебные свойства дикорастущих трав и корней не хуже любого аптекаря» [4, с. 240].

Простой народ издавна предпочитал обращаться к народным «лечцам», которым больше доверял, да и оплата их труда была куда ниже оплаты докторских услуг. «Философским камнем от всех болезней служит русская баня... в более важных случаях зовётся деревенская бабушка, которая накидывает больному горшки на брюхо...» [4, с. 240].

Кроме этого активно практиковались магические средства подкрепленные обращением к иконам и произнесением молитв. «Народ прибегает в болезнях и недугах своих к разным заговорам, симпатическим средствам и к помощи различных святых, которым на случай каждой болезни составлены особые молитвы» [4, с. 240].

Каждый святой специализируется на определённом недуге: Антипий помогает от зубной боли, Казанская Божия Мать — от глазных болезней. «Впереди всего в этом отношении стоит Николай чудотворец... избавляющий от всяких бед и напастей и в особенности от утопления; за ним следуют: Ангел хранитель, охраняющий человека во все дни его жизни...» [4, с. 241]. Существовали и вовсе экзотические «целители» — так например, по свидетельству Ровинского «ещё не очень давно в Москве служились по поводу благополучных родов молебны гвоздю Господню...» [4, с. 242].

Среди «народных картинок» Ровинский упоминает и подробный листок-инструкцию «...с указанием каким святым от каких болезней молится...» [4, с. 242]. В 1866 году в Киеве был издан приказ — запретить этот листок, так как «он составлен под католическим влиянием». Однако католическим влиянием сложившиеся традиции объяс-

нить было недостаточно — в самых разных регионах России существовали не просто схожие «картинки» но и похожие молитвенные практики. Так, например, в книге Ровинского содержится свидетельство о практике «привешивать к образу Антипия серебряные зубки», если после молитвы этому святому даритель избавлялся от зубной боли. Подобные «привески» добавлялись и к другим иконам, «например: у Московской иконы Владимирской Богородицы». Такие способы взаимодействия со святыми были запрещены Петром I, тем не менее «в церквах города Архангельска эти привески в обычае даже и до настоящего времени...» [4, с. 241].

Ровинский считает, что подобная практика (вотивные подношения иконам) напоминает «католический обычай». Однако во вполне православных храмах Греции подобная практика существует и в начале XXI века и объясняется чаще всего не католическими, но народными обычаями. В полной мере это относится и к российской действительности.

Отношение к иконам в народных массах зачастую определялось не столько учением Церкви, сколько традициями и фольклором. По словам доктора филологических наук, фольклориста и этнографа Андрея Львовича Топоркова (р. 1958) известен, по меньшей мере, один случай, когда на сюжет иконы повлиял такой вид фольклора как заговор [5]. Именно подобная икона упоминается Ровинским: «пишутся даже и в наше время Суздальские иконы, с изображением св. Сисиния, св. Фотинии и архангела Михаила, поражающего копьём двенадцать лихорадок, представленных в виде нагих женщин с распущенными волосами...» [4, с. 241—242].

Подобная иконография была известна и в Туле, где в начале XX века в Палате Древностей сохранялась «икона с изображением многих святых, кому от какой болезни молится» [6, с. 50]. На иконе рядом с изображением св. Фотины была сделана надпись «от трясовицы». Двенадцать сестёр-трясовиц (или лихорадок) — в глазах народа традиционные виновники болезней и в силу этого постоянные персонажи заговоров. «В заговорах же 12 сёстрам трясовицам даются народной фантазией имена. Имена указывают на разные припадки лихорадочной болезни, под которыми народом понимались, очевидно, все болезни, сопутствуемые лихорадочным состоянием, расчлененные теперь для нас наукою на разряды» [6, с. 50].

Скорее католическим влиянием можно объяснить появление, имеющей не столько прикладное, сколько назидательное значение, «народной картинке» под названием «Аптека духовная, врачующая грехи». На картинке на месте аптекаря — сам Спаситель, Иисус Христос, выдающий всякому к нему прибегающему подробный рецепт исцеления от

грехов. «Аще хощеша сие, ископай корень нищеты духовныя, на нем же ветви молитвенныя и цвет смирения, сорви его рукой беззлобья, изсуши постным воздержанием, сотри терпеливым безмолвием, просей ситом чистой совести, всыпь в котел послушания, налей водой слезною, накрой покрывкой любви, подпали теплотою сердечною и, довольно упаривши, высыпь на блюдо разсуждения, часто прилагай на раны сердечныя — и тако умалиши множество грехов» [7, с. 53].

Народное отношение к иконам, как собственно и к святым, на них изображённым, куда чаще было не духовным, но именно прикладным. Магическое сознание помогало видеть в образе Иоанна Предтечи, принявшего мученическую смерть через усекновение главы, прежде всего верное средство исцеления от головной боли [4, с. 242]. Зачастую и само обращение к иконам было магией, но магией допустимой, «белой». Собственно «добрых» знахарей, ворожей да травников от «злых» колдунов и отличали, прежде всего, наличие креста на шее и обращение к христианским святым.

Вероятно, именно «неправославное» поведение иноземных лекарей позволяло смело относить их к чёрным магам. Так, врач Елисей Бомелий в Псковской летописи под 1570 годом прямо обзывается «лихим волхвом», а заезжий «голландский лекарь и добрый аптекарь» в «народных картинках» Ровинского уже использует магию в промышленных масштабах. В издании есть описание лубка, где предприимчивый иностранец с помощью большой печи переделывает девяностолетних старух в пятнадцатилетних девушек. Все стадии процесса (включая подвоз старых жён мужьями прямо к печи) изображены одновременно, в духе средневекового «магического реализма». В народных сказках сюжет омоложения с помощью печи или кипящего котла встречается не так уж редко.

Одним из основных признаков русской народной культуры, в полной мере проявляющимся в «народных картинках» посвящённых медицине, можно считать совмещение сверхъестественного с бытовым. Магические практики легко принимались сознанием крещеного люда и чудеса, привычные по фольклору, дополняли (или даже подменяли) чудеса привезённые из-за моря.

«Дальнейших разглагольствований по этой части делать не приходится, так как относительно медицины, которая считалась в XVII и даже XVIII веке, в глазах простого народа чародейством... кроме приведённых картинок, да ещё Брюсова календаря нигде не говорится» [4, с. 244].

Брюсов «Календарь или месяцеслов христианский» впервые был отпечатан в 1709 году и около 200 лет был настольным справочником «российских земледельцев». Припи-

сываемый сподвижнику Петра Великого, а по всеобщему мнению колдуну и чернокнижнику, Якову Вилимовичу Брюсу (Джеймс Дэниэл Брюс (James Daniel Bruce), 1669—1735) «Календарь» содержал «общие» и «частные» предсказания о грядущих войнах, переменах на троне, погоде. Уже его популярность среди русского народа многое говорит о самом народе.

Однако кроме этого многостороннего календаря, воспроизведённого в издании Дмитрия Ровинского наряду с картинками на медицинскую тему, есть и ещё ряд лубков, рассказывающих об альтернативных методах лечения.

Относясь с опаской к иноземным докторам и помня пословицу что «добрая аптека убавит века», простой народ по разряду аптек числил питейные заведения. «Чарка... служила для мужика... лекарством от всякой немощи; за неимением надлежащей медицинской помощи, в случае заболевания, он идет в кабак» [3]. Одна из «народных картинок» с изображением такого кабака носит название «Аптека целительная с похмелья». Сопровождающий текст даёт краткую справку по народной фармакопее: «Сия аптека содержит в себе такие зелья, которыми лечат с похмелья, токмо в ней водка, вино, пиво, да надлежит оныя разумно потреблять, чтобы и последняго ума не потерять; а именно — по три раза в сутки, без всякой смутки...».

Следует отметить что гротеск, подчёркивание комических сторон ситуации являются характерной особенностью лубка. Это не просто «народные картинки» но часто картинки в прямом смысле слова весёлые. Правда часто такое веселье кажется вынужденным. Только в связи с недостаточностью обычных аптек их заменяет обращение к «разным заговорам, симпатическим средствам и к помощи различных святых» и к прочим альтернативным средствам. Только редкость докторов позволяет приписывать им самые фантастические свойства.

«Что же делать бедному народу? Где его доктор? — священнику, всего ближе стоящему около его обихода, лечить не указано; хороший доктор для него недоступен, по жидовским своим ценам; да в захолустье хороший и не поедет, а от плохого, как от смерти, упаси Господи...» [4, с. 243].

Лубок, «русские народные картинки», не только «библиотека» для простого люда, не простое отображение «внутренней русской жизни» но ещё и творческое переосмысление этой жизни. Здесь отсутствие медицины компенсируется верой в её чудодейственную силу, врачей заменяют святые, а вместо обычных скучных аптек страждущему, как былинному богатырю, всегда предоставлен выбор — «Аптека духовная, врачующая грехи» направо и «Аптека целительная с похмелья» налево.

Рецензенты:

Кузнецова Е.И., докт. ист. наук, профессор Тульского государственного ун-та;
Дранишников А.А., канд. ист. наук, доцент Тульского государственного ун-та.

Список литературы

1. Русские народные картинки. Собрал и описал Д.А. Ровинский. Посмертный труд. Печатан под наблюдением Н.П. Сапко. Т. I. СПб., 1900.
2. Юрков С. Е. От лубка к «Бубновому валету»: гротеск и антиповедение в культуре «примитива» // Под знаком гротеска: антиповедение в русской культуре (XI — начало XX вв.). СПб., 2003. С. 177—187.
3. Некрасова Е. Лубочные картинки. Русские народные картинки, исследование в 5 книгах, с алфавитом, в 8-ю долю листа; к нему атлас в большой лист, содержащий в себе более 500 картинок. Д.А. Ровинского. СПб., 1881 года [напечатано в литературно-политическом журнале «Русская мысль» в 1880 Тульского государственного ун-та 1890-е гг.]. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://biblionne.narod.ru/rovinsky.html> (доступен на 16.12.2014 г.).
4. Русские народные картинки. Собрал и описал Д. Ровинский. Кн. V. Заключение и алфавитный указатель имен и предметов. СПб., 1881.
5. Топорков А. Визуальная репрезентация заговоров от лихорадки на русских иконах // Заговорные тексты в структурном и сравнительном освещении. М., 2011.
6. Лихорадки и их лечение народными средствами Василия Яворского // Тульская старина. 1906. № 19.
7. Русские народные картинки. Собрал и описал Д. Ровинский. Кн. III. Притчи и листы духовные. СПб., 1881.